

Герои

XX век

Середина XX века. Не так давно завершилась великая и страшная война с немецкими фашистами, раны от нее еще заметны, но оптимизма становится все больше. Страна бурно развивается по всем направлениям — и в экономике, и в культуре, и в политике. Разоблачен культ личности Сталина, реабилитированы миллионы людей, и кажется, что все ужасы в прошлом, что впереди — то самое счастье, за которое умерло столько народу. И яркое, зримое доказательство, что все было не зря — это успехи в освоении космоса. В 1957 году СССР первым в мире запустил на околоземную орбиту спутник, затем начались эксперименты с запуском в космос животных. И вот уже пришел черед лететь в космос человеку. Все понимают, что это лишь первая ступенька, но мечтают о далеких звездах. Звезды нужны всем — не только ученым, но и комбайнерам, и санитаркам, и школьникам. Всем кажется, что чем ближе мы будем к звездам, тем лучше станет здесь, на Земле...

14 апреля 1961 года
москвичи встречают
героя-космонавта
Юрия Алексеевича
Гагарина.
Фото РИА Новости

Юрий Гагарин

Новый формат подвига

Когда говорят о героях прошлого века, имя Гагарина вспоминается одним из первых. Миллионы советских людей восхищались его мужеством, называли в его честь своих сыновей, вырезали из газет его фотографии и вешали у себя дома. Казалось бы, героизм Гагарина — это аксиома, не требующая доказательств.

Однако время идет, эпохи меняются, и то, что было очевидно для рожденных в СССР, совершенно неочевидно для тех, кто уже не застал того времени. Мне пришлось однажды беседовать с молодым человеком, который весьма скептически воспринимал и самого Гагарина, и созданный из него «советский миф». Логика была примерно такой: Юрий Гагарин не совершил ничего выдающегося. Он просто выполнял приказ начальства, и не выполнить его не мог. Велели залезть в железную ракету и полететь в космос — залез и полетел, поскольку был дисциплинированным винтиком системы. Если это и героизм, то точно такой же, как у миллионов других винтиков, выполнявших опасные для жизни и здоровья приказы. Чем полет в космос принципиально отличается от работы на вредном производстве? И там, и там риск. И там, и там возможны аварии. А главное, и там, и там деваться некуда, отказаться нельзя.

Вроде бы и есть в этой позиции какая-то правда, но очень, на мой взгляд, куцая. Да, верно, Юрий Гагарин был дисциплинированным человеком (а разгильдяя и бузотера просто не взяли бы в отряд космонавтов). Да, верно, в самой обыденной жизни бывает не меньше опасностей, чем в космосе. А вот дальше уже начинаются вопросы.

Во-первых, какой линейкой будем мерить риск? Что такое вредное производство, это, по крайней мере, понятно, а вот что ждало человека в космосе, известно было лишь теоретически. Теорию предстояло проверить на своей шкуре. Конкретно — на шкуре того, кто первым окажется на орбите (если вообще окажется, если ракета не взорвется на старте, а и такое было вполне возможно, и случалось впоследствии). Гагарин был первым. Он знал, что идет в неиз-

вестность, знал, что если на орбите что-то пойдет не так, то с земли ему помочь не смогут. Он не мог даже оценить вероятность такого развития событий, потому что вообще никто этого тогда не мог.

Было ли ему страшно? Безусловно. А представьте себя в кабине космического корабля — первого в истории человечества! — когда пропадает связь с Землей. Страх в таких обстоятельствах — это здоровая психическая реакция, это проявление свойственного каждому человеку инстинкта самосохранения. А нездорового человека, вообще не знающего страха, медики просто забраковали бы при отборе в отряд космонавтов.

И вот этот свой естественный страх, страх неизвестной беды, Юрий Гагарин преодолел. Преодоле не по приказу начальства, а собственным волевым усилием. Вот уже одна грань его подвига.

Во-вторых, а откуда уверенность, что он не мог отказаться? Что с ним сделали бы в случае отказа? Расстреляли? В 1961 году? Такое может предположить лишь очень молодой человек, для которого вся советская эпоха — это сплошной ГУЛАГ. Но максимум, что грозило бы Гагарину в случае отказа — это отчисление из отряда космонавтов и перевод в обычные военные летчики, каким он, собственно, и был раньше.

Но героизм Гагарина вовсе не сводится только к преодолению страха. Не менее важно, *каким именно образом* он это делал. Знаменитая гагаринская улыбка, знаменитая его фраза «Поехали!» на старте — это ведь не случайно. Он преодолевал страх без надрыва, без истерики, без закушенной губы. Только ли в силу уравновешенного характера и присущего ему чувства юмора? Можно предположить, что не меньшую роль играло и осознание *публичности* всего происходящего. Юрий Гагарин знал, что за ним наблюдает множество глаз — не только начальство, но и технический персонал, и коллеги по отряду космонавтов, то есть те, кому предстоит лететь после него. И в каком внутреннем состоянии они полетят, зависело в значительной мере и от того, как держится он, первый.

Что помогало ему держать себя вот так — спокойно, улыбочиво? Какой внутренний стержень? Могла ли это быть вера?

Сложный вопрос. С одной стороны, Юрий Гагарин был типичным советским человеком той эпохи.

Пионер, комсомолец, коммунист. Он вполне искренне принимал коммунистическую идеологию — идеологию, которая включала в себя обязательный атеизм. С другой стороны, известно, что в младенчестве он был крещен. Но мало того, по словам духовника нынешних космонавтов, игумена Иова (Талаца), «Юрий Алексеевич Гагарин незадолго до полета крестил свою старшую дочь Елену, в его семье праздновали Рождество и Пасху, в доме висели иконы...»

Космонавт Алексей Леонов вспоминает о нем: «Юра всех любил, поэтому и его любили все. Как он заботился о семье, друзьях, совершенно незнакомых людях, которые приходили к нему за помощью! Все это говорит о том, что душа у него была христианская».

Более того, уже после своего полета, в 1965 году, Гагарин выступал на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ, темой которого было патриотическое воспитание молодежи. Произнеся свою официальную, написанную кем-то для него речь, Юрий Алексеевич добавил нечто незапланированное: «На мой взгляд, мы еще недостаточно воспитываем уважение к героическому прошлому, зачастую не думая о сохранении памятников. В Москве была снята и не восстановлена Триумфальная арка 1812 года, был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном. Я бы мог продолжать перечень жертв варварского отношения к памяти прошлого. Примеров таких, к сожалению, много».

Сказать такое — и не в кулуарной беседе, а публично, с трибуны, обвинить партию в варварстве требовало не меньшего мужества, чем сказать «Поехали!» на старте ракеты «Восток-1». Риск был более чем серьезный. Расстрелять не расстреляли бы, конечно, но неприятностей была бы масса. Причем, вполне возможно, решиться на такой шаг ему, уже облаканному властью, вкусившему всенародной славы, было куда сложнее, чем какому-нибудь безвестному человеку. Ему в 1965 году было что терять.

Мы, разумеется, никогда в точности не узнаем, чем руководствовался Юрий Гагарин и в 1961 году, проявляя мужество первооткрывателя, и в 1965, проявляя мужество гражданское. Но делать предположения,

*Было ли ему страшно?
А представьте себя
в кабине космического
корабля —
первого в истории
человечества! — когда
пропадает связь
с Землей.*

отталкиваясь от известных фактов и от элементарной логики, мы вполне вправе.

Так почему же он — герой? Да вот именно потому, что переламинал себя, совершал запредельное внутреннее усилие, добиваясь своих целей. Причем, что принципиально важно, цели эти были добрые, направленные на благо человечества.

И да — можно сказать, что Гагарин дал советским людям новый формат подвига. Что чаще всего считалось подвигом в СССР? Военный подвиг, подвиг

Фото РИА Новости

в революционной борьбе. Пасть жертвою в борьбе роковой, пасть на поле брани, пасть несломленным во вражеском застенке — вот это да, это подвиг, а все остальное уже как-то мельче. А полет Гагарина показал — подвиг может быть и другим. Не предполагающим некоего зла, с которым нужно сразиться. Не направленным на благо только одной какой-то страны, одного какого-то народа, одного какого-то класса. Оказывается, подвиг может быть для всех. Вообще для всех, для всего человечества. Оказывается, есть всеобщие позитивные ценности — жажда познания, освоение новых пространств, выход за привычные границы.

Сейчас, спустя более чем полвека, это звучит наивно. Космос давно уже не кажется нам чем-то «большим и светлым», давно уже он ассоциируется со звездными войнами, спутниками-шпионами, огромными расходами бюджета, и так далее. Но тогда было иначе. Тогда освоение космоса действительно казалось сотням миллионов людей великим делом, благодаря которому можно подняться над всей нашей грызней и суетой, над всеми человеческими делениями. В этой наивной мечте проскальзывало нечто христианское.

И так уж вышло, что мечта эта неразрывно связана с именем Юрия Гагарина. **Ф.**

Виталий Каплан